

Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (Часть первая)

В. Э. Молодяков

Аннотация

Работа посвящена малоизученным аспектам Индокитайского кризиса 1940 г. в японо-французских отношениях — притязаниям Японии на контроль и военное присутствие во Французском Индокитае летом и осенью 1940 г. Обеспечение безопасности и стабильности Индокитае лежало в основе французской политики в отношении Японии все предвоенные годы. Она характеризовалась готовностью идти на компромиссы и поэтому часто подвергалась критике как «умиротворение агрессора».

Начало войны в Европе в сентябре 1939 г. подтолкнуло японские военные круги к разработке новых планов экспансии в условиях ослабления позиций Франции в Восточной Азии. Военное поражение Франции в июне 1940 г. побудило Японию усилить давление на нее с целью полностью прекратить поставки военных материалов Китаю и взять исполнение этого под свое наблюдение. Стратегической целью Японии было установление контроля над Индокитаем.

Новый авторитарный режим Французского государства (режим Виши), сменивший парламентский режим ликвидированной Третьей Республики, пошел на компромисс с Японией, учитывая неравенство сил в регионе, поэтому его политику называют политикой уступок. Автор рассматривает процесс выработки французской политики и действия ее руководителей и основных исполнителей: главы государства маршала Филиппа Петэна, министра иностранных дел Поля Бодуэна, министров колоний Альбера Ривьера и Анри Лемери, генерал-губернаторов Индокитае Жоржа Катру

и Жана Дэку. В основу работы положены дневники, воспоминания и другие свидетельства действующих лиц в сочетании с новейшими работами историков.

Ключевые слова: Япония, Франция, режим Виши, Индокитай, дипломатия, колония, экспансия, безопасность.

Автор: Молодяков Василий Элиархович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку (Япония, 112-0012, Токио, Бункё-ку, Оцука 1-7-1, G-210).

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Continental Policy of Japan as Seen from France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part One)

V. E. Molodiakov

Abstract

This article deals with little-known aspects of the Indochina crisis of 1940 in Japanese–French relations — Japan’s claims to control and military presence in French Indochina in the summer and autumn of 1940. Ensuring the security and stability of Indochina was at the heart of the French policy towards Japan during all the pre-war years. It was characterized by a willingness to make concessions and compromises, so it was often criticized for “appeasing the aggressor.”

The beginning of the war in Europe in September 1939 prompted Japanese military circles to develop new expansion plans in the face of France’s weakening position in East Asia. The military defeat of France in June 1940 prompted Japan to increase pressure on it in order to completely stop the supply of military materials to China and to take control of the execution of these measures. Japan’s strategic goal was to establish control over Indochina.

The new authoritarian regime of the French state (the Vichy regime), which replaced the parliamentary regime of the defunct Third Republic, compromised with Japan, taking into account the inequality of forces in the region; therefore, its policy is called the policy of concessions. The author examines the process of shaping French policy and the actions of its main performers: Head of State Philippe Pétain, Minister of Foreign Affairs Paul Baudouin, Ministers of Colonies Albert Rivière and Henri Lémery, Governors-General of Indochina Georges Catroux and Jean Decoux. The article is based on diaries, memoirs, and other testimonies of the actors in combination with the latest research works.

Key words: Japan, France, Vichy regime, Indochina, diplomacy, colony, expansion, security.

Author: *Molodiakov Vassili E.*, Doctor of Sciences (Political Science), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS, Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies

Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Введение

Индокитайский кризис 1940 г. — попытка Японии включить Французский Индокитай (Индокитайский союз)¹ в сферу своего влияния и поставить его под контроль — не обойден вниманием историков, однако автор недавней работы справедливо назвал его «одновременно столь много и столь мало изученным» [Michelin 2019, p. 19].

Действия Японии в Индокитае рассматривались в контексте истории внешней и военной политики Токио. Японских авторов в основном интересовали военные аспекты, особенно место интервенции в Индокитай в сентябре 1940 г. (仏印進駐, *Фуцу-Ин синтю:*) в планах «продвижения на юг». Эти вопросы, включая дискуссии при выборе направлений и форм экспансии, изучены И. Хата в рамках коллективного труда *Дорога к войне на Тихом океане* [Hata 1963] (частичный перевод [Morley 1980, pp. 155–208]). М. Ёсидзава подробно описал споры военных о путях экспансии [Yoshizawa 1986], Р. Тобэ показал

¹ Включал колонию Кохинхина, протектораты Аннам, Тонкин, Камбоджа, Лаос и арендованную у Китая территорию Гуанчжоувань. Во главе объединенной администрации стоял генерал-губернатор, резиденция которого находилась в Ханое.

размах ее планов [Tobe 1978]. В работе С. Мураками [Murakami 1984] рассмотрен выбор южного направления в контексте ухудшения японо-американских отношений.

Военную политику Японии в отношении Индокитая можно считать изученной. Деятельность японской дипломатии, которая здесь не играла самостоятельной роли, описал С. Нагаока [Nagaoka 1963; Nagaoka 1973]; фактическая полнота его работ сочетается с неглубоким анализом. Ряд статей посвящен экономическим аспектам, включая японские планы колонизации Индокитая [Tabuchi 1980; Tabuchi 1981]. Японские авторы придерживаются японоцентричного подхода, отводя действиям Франции второстепенную роль.

В трудах французских историков дипломатии об Индокитае написано мало, ибо акцент делался на событиях в Европе. В литературе об Индокитае как части колониальной империи главное внимание уделялось сопротивлению японской экспансии — военной [Michelin 2019], политической [Valette 1993; Verney 2012], экономической [Poujade 2007], культурной [Namba 2012]. Ученые других стран, в том числе советские, рассматривали события в Индокитае в рамках японской экспансии [Левинсон 1952; Гольдберг 1959, с. 38–42, 50–56] или в связи с японо-китайской войной [Сапожников 1977, с. 133–144], т. е. с «японского угла» и с минимальным обращением к французским источникам.

Япония перешла к политике ультиматумов после военного поражения Франции в июне 1940 г., причины которого остаются предметом споров. В недавней работе [Вершинин, Наумова 2022] удачно рассмотрены военные аспекты проблемы, но анализ ее политической стороны весьма неубедителен из-за следования идеологемам. В ходе Индокитайского кризиса Япония имела дело не с партийными кабинетами Третьей Республики, зависевшими от парламента, но с авторитарным режимом Французского государства (режим Виши). Политические противники — голлисты и коммунисты — называли его «коллаборационистским» и «прогерманским». Эта тенденциозная и неверная трактовка укоренилась в советской и российской литературе и лишь недавно подвергнута убедительной критике [Бурлаков 2022]. Японо-французские отношения 1940 г., кульминацией которых стал Индокитайский кризис, необходимо рассмотреть с «французского угла» и без идеологических клише.

Этой теме можно посвятить целую книгу, однако задача нашей статьи скромнее. В ней рассмотрена реакция на действия Японии ключевых фигур режима Виши — главы государства маршала Филиппа Петэна, министра иностранных дел Поля Бодуэна, министров колоний Альбера Ривьера и Анри Лемери, министра обороны генерала Максима Вейгана, генерал-губернатора Индокитая вице-адмирала Жана Дэку. Акцент сделан не на официальных документах, которые публиковались или сообщались в Токио и Ханой, но на ходе выработки решений и на позициях политиков. В основу работы положены опубликованные дневники и мемуары действующих лиц (дневник Ривьера не издан, воспоминаний он не оставил), не введенные в научный оборот российского японоведения. Эгодокументы, особенно написанные в свое оправдание, требуют критического подхода, но их ценность повышается при отсутствии специальных исследований о таких фигурах, как Бодуэн и Лемери.

Реакция Франции на японскую экспансию и проблема безопасности Индокитая

Для адекватного понимания событий лета-осени 1940 г. надо вспомнить характер франко-японских отношений перед началом и во время Второй мировой войны. Французская элита, как отметил экс-премьер П.-Э. Фланден, «смотрела на дальневосточные события исключительно под углом индокитайских интересов» [Flandin 1947, p. 131]. Франция всегда была «обеспокоена судьбой своих индокитайских владений ввиду усиления Японии» [Мещеряков 2006, с. 602]. Выразив Китаю «моральную поддержку» в связи с японской агрессией 1937 г., Париж проявлял «исключительную любезность» в ответ на требования Токио о пресечении поставок ему оружия через Индокитай [Lévy 1939, p. 105–106]. После смены правительства в апреле 1938 г. политику «любезности» продолжали новый министр иностранных дел Ж. Боннэ и работавший в Токио с марта 1937 г. посол Ш. Арсен-Анри, считавшийся японофилом [Молодяков 2021a].

Анализируя экономическое присутствие Франции в регионе, видный эксперт, генеральный секретарь Комитета по изучению тихоокеанских проблем Р. Леви писал: «Экономические отношения

Индокитай с Японией прямо не затронуты ее растущей торговой экспансией. <...> Франция занимает лишь тринадцатое место среди клиентов Японии и десятое среди ее поставщиков» [Lévy 1935, p. 167, 171]. В книге *Французская политика на Дальнем Востоке, 1936–1938*, изданной в начале 1939 г., Леви определил ее как «политику сдержанности и умеренности, продиктованную стремлением обезопасить Индокитай и сохранить хорошие отношения как с Китаем, так и с Японией» [Lévy 1939, p. 8]. Результаты франко-японской торговли, несмотря на рост объема, аналитик оценил как «очень посредственные», обратив внимание на отрицательный для Франции баланс: 177,2 млн франков в 1937 г. Он рекомендовал выстраивать экономические отношения в масштабе империи, а не только метрополии, поскольку баланс торговли между Японией и Индокитаем в 1938 г. составил 30 млн франков в пользу последнего [Lévy 1939, p. 62–66]. Леви считал недостаточной обороноспособность Индокитая на случай международного конфликта и указал на «национальный подъем» в Сиаме (Таиланде), поддержанный Японией, как на потенциальную угрозу Франции [Lévy 1939, p. 110–118].

Индокитай привлекал Японию как источник сырья (каучук, олово, уголь, железная руда) [Lévy 1939, p. 64–65], хотя и не сравнимый с Британской империей и США, и как путь снабжения режима Чан Кайши, который она хотела пресечь [Morley 1980, p. 155–158]. Париж и Ханой не раз удовлетворяли требования Токио. В феврале 1938 г. губернатор Тонкина запретил торговлю между протекторатом и Китаем; ранее запрет распространялся лишь на оружие и снаряжение. «Франция избрала наилучший способ отдалить Китай от себя, — сетовал работавший в южном Китае в 1937–1939 гг. инженер А. Мо [Молодяков 2021b]. — <...> Из-за близости Индокитая у Франции был главный козырь, который она рисковала потерять» [Maux-Robert 1999, p. 82–83]. Когда режим Чан Кайши, укрепившись в Чунцине в ноябре 1938 г., готовился к затяжной войне и искал союзников, Мо «полагал, что ситуация дает реальную возможность для французской (экономической — В. М.) экспансии. Следовало брать пример с Англии, которая оказывала Китаю широкомасштабную помощь через Гонконг и через Бирму. <...> А Франция лишь сохраняла запрет на провоз китайских товаров через Индокитай» [Maux-Robert 1999, p. 138]. Однако Боннэ, исполняя обещание, данное японцам в июле 1938 г., запретил доставку в Китай по желез-

ной дороге Хайфон–Лаокай–Куньмин любых материалов, имеющих военное значение. Советские авторы трактовали это как политику «умиротворения агрессора», адептом которой считался Боннэ [Левинсон 1952, с. 165–166].

Выход книги Леви *Французская политика на Дальнем Востоке* совпал с актами японской агрессии, угрожавшими Индокитаю. В нарушение обещания, данного Франции в октябре 1937 г., японский десант 10 февраля 1939 г. захватил остров Хайнань — китайскую территорию, занимавшую ключевую позицию в Тонкинском заливе. Боннэ призвал Лондон и Вашингтон сделать совместное «внушение» Японии, но не получил поддержки. Тогда он предписал послу в Токио Арсену-Анри «выступить с энергичным протестом» и добился временного снятия ограничений на провоз товаров в Китай через Индокитай [Bonnet 1948, p. 105–106]. Эту политику поддержал министр колоний Ж. Мандель, политический враг Боннэ. 31 марта японцы оккупировали не имевшие постоянного населения острова Спратли (Франция в 1933 г. включила их в состав Кохинхины, что было оспорено Японией), затем Парасельские острова в юго-западной части Южно-Китайского моря. Французский посол в США «привлек внимание washingtonского правительства к серьезности инцидента на перспективу. Однако мы не смогли добиться эффективной поддержки от наших американских друзей, — отметил Боннэ, — Они отлично понимали ситуацию; от них требовалось лишь помочь нам и поддержать нас. Однако они дали нам понять, что хотят предотвратить конфликт, решиться на который им не позволяет состояние вооружений» [Bonnet 1948, p. 106].

К 1939 г. французы, несмотря на действия коммунистов, поддерживаемых СССР и китайскими «левыми», добились внутренней стабильности в Индокитае, хотя реформы, проведенные после политического кризиса 1928–1931 гг., остались недостаточными [Devèze 1948, p. 97–103]. Главным вызовом стала японская экспансия. Назначение 23 августа 1939 г. генерал-губернатором ветерана колониальных войск генерала Ж. Катру — первого кадрового военного на посту, который с 1887 г. занимали гражданские чиновники или политики, — выглядело предупреждением, что время «кисло-сладких нот и протокольных улыбок» [Desoux 1949, p. 5] заканчивается. 30 августа он прилетел в Ханой — времени на путешествие морем не было. 13 января 1939 г. командующим морскими силами Дальнего Восто-

ка — немногочисленными, но решавшими важные стратегические задачи — был назначен 54-летний Ж. Дэку, произведенный в вице-адмиралы: 5 мая он прибыл в Сайгон. «Азия уже была в огне и вдали от Европы жила в постоянной тревоге: что завтра?» [Decoux 1949, p. 7]. Единственным реальным союзником были англичане, с которыми адмирал летом 1939 г. постарался наладить рабочий контакт [Decoux 1949, p. 17–23].

На начало войны в Европе Япония отреагировала 4 сентября 1939 г. заявлением о «невмешательстве в европейскую войну». Гораздо большим шоком для Токио стало заключение 23 августа советско-германского пакта о ненападении, что оставило ее без союзников в конфликте с СССР на Халхин-Голе и вызвало смену кабинета. Япония прервала переговоры с Берлином и Римом о заключении политического пакта и дистанцировалась от обеих воюющих сторон, заявив, что направит усилия на урегулирование «Китайского инцидента» и нормализацию отношений с СССР. Пресса уделяла Франции мало внимания, сосредоточившись на противостоянии Германии и Великобритании. Парижу тоже было не до Японии, пока самолеты последней не разбомбили 1 февраля 1940 г. на китайской территории поезд с французскими пассажирами. Арсен-Анри протестовал и требовал возмещения убытков, но получил отказ. Этот акт агрессии считали «разведкой боем», поскольку 29 февраля премьер Э. Даладье дал большое интервью газете «Нити-Нити»: он заявил, что «жаждет установления дружественных отношений» с Токио и не поддерживает Китай, выразил надежду на успех переговоров о признании Маньчжоу-го в ответ на признание французских прав на Хайнань, неодобрительно высказался о сближении Японии с СССР [Левинсон 1952, с. 167]. Однако уже 21 марта Даладье ушел в отставку.

Позицию Японии в отношении французских владений в Восточной Азии Дэку назвал «загадочной и даже угрожающей», отметив частые «инциденты» на море [Decoux 1949, p. 26–27]. Кабинеты Н. Абэ (сентябрь 1939 — январь 1940) и М. Ёнаи (январь–июль 1940) следовали курсом на неучастие в глобальном противостоянии, однако в военных кругах обсуждали, как можно использовать ситуацию для расширения экспансии, в том числе в сторону Индокитая. Генерал-губернатор Катру выказывал готовность идти навстречу пожеланиям Токио о прекращении поставок Китаю и о снабжении японской армии, но дальше разговоров дело не шло [Morley 1980, p. 158; Michelin 2019, p. 34].

Ситуация радикально изменилась после того, как 10 мая 1940 г. вермахт вторгся в Нидерланды и Бельгию. «Странная война» на Западе Европы закончилась.

Военное поражение Франции и ее новое международное положение

Военное поражение Франции в мае-июне 1940 г. оказалось полным [Вершинин, Наумова 2022, с. 450–468] и явилось следствием системного кризиса Третьей республики. Остро встала проблема личной ответственности: «Тот факт, что она потерпела сокрушительное поражение, объясняется конкретными ошибками людей, принимавших стратегические решения в 1939–1940 гг.» [Вершинин, Наумова 2022, с. 606]. В критический момент премьер П. Рейно 18 мая призвал на пост вице-премьера 84-летнего маршала Петэна, овеянного славой Великой войны, и вернул на пост главнокомандующего 73-летнего Вейгана вместо М. Гамелена, который не справился с ситуацией. Однако «положение вещей было слишком безнадежным, чтобы исправить его заклинанием магических имен» [Huddleston 1955, p. 29]. 12 июня на заседании Совета министров, бежавшего из Парижа, Вейган потребовал запросить перемирие у немцев ввиду отчаянной военной ситуации и с целью сохранить власть над как можно большей частью национальной территории. Петэн поддержал его. Оба категорически отвергли идею капитуляции армии. Вечером 16 июня Рейно известил президента республики А. Лебрена об отставке и предложил в преемники Петэна. Председатели Сената и Палаты депутатов дали согласие, и последнее при Третьей Республике назначение главы правительства состоялось по правилам. В 1945 г. Петэн заявил на суде: «В самый трагический момент своей истории Франция обратилась ко мне. Я ничего не просил. Но меня молили прийти — и я пришел. И в наследство мне досталась катастрофа, в которой я был неповинен. Виновные спрятались за моей спиной, чтобы оградить себя от народного гнева» (цит. по [Бурлаков 2022, с. 132]).

Утром 17 июня кабинет одобрил речь Петэна, который по радио сообщил французам, что запросил перемирие. 22 июня оно было подписано и 25 июня вступило в силу. По лондонскому радио лидер «Свободной Франции» Ш. де Голль объявил его «предательством», а власть Петэна нелегитимной. Абсолютное большинство французов

встретило окончание войны с облегчением. Условия перемирия были тяжелыми, однако оно, как отметил глава МИД Бодуэн, «позволило избежать полной оккупации страны и сохранило правительство, долгом которого было защищать французский народ от врага; оно спасло Северную Африку и оставило в наших руках колонии и флот» [Baudoin 1948, p. 144]. «Заключение перемирия в сложившихся условиях можно рассматривать как блестящий дипломатический ход. <...> Благодаря перемирию, Франция оказалась в уникальном положении, которого не имела ни одна из побежденных стран. <...> Франция сохранила свой военно-морской флот и колониальную империю. <...> Маршал умело сыграл на опасениях Гитлера относительно того, что эти козыри перейдут к англичанам» [Бурлаков 2022, с. 136, 139–140].

По предложению вице-премьера П. Лаваль 10 июля 1940 г. Национальное собрание (Сенат и Палата депутатов) на совместном заседании большинством голосов (85% присутствующих и 67% списочного состава) приняло закон, давший правительству право составить новую конституцию, что хоронило режим Третьей республики. На основании закона Петэн 11 июля издал три конституционных акта. Первый провозгласил его главой Французского государства, второй дал ему самые широкие полномочия, третий прервал работу Сената и Палаты депутатов до нового созыва главой государства. «Обладая полной легитимностью <...> режим, созданный маршалом Петэном, не являлся фашистской диктатурой, хотя и имел определенную авторитарную окраску. Это был переходный режим военного времени, вызванный к жизни чрезвычайными обстоятельствами» [Бурлаков 2022, с. 184].

16 июля к работе приступил новый кабинет во главе с Петэном; Лаваль де-факто получил полномочия премьера. В Третьей республике Совет министров коллегиально вырабатывал решение, а президент закреплял его декретом. Маршал собирался принимать решения единолично. Он видел в министрах не коллег, а подчиненных, которые, как в армии, не дискутируют, но докладывают и отвечают на его вопросы, а свое мнение высказывают, только если их спросят. Это следует учитывать при анализе реакции Виши на действия Японии в Индокитае.

Курс на «защиту империи»

Официальная позиция в отношении империи была изложена в первом радиообращении Петэна 3 сентября 1940 г.: «Франция проиграла войну. <...> Но ее единство, выкованное тысячей лет усилий и жертв, остается неприкосновенным. Оно не может быть поставлено под сомнение. Никакое покушение, откуда бы оно ни исходило и каким бы идеалом ни вдохновлялось, не сможет взять верх над ним. Сегодня первый долг — повиноваться. Второй долг — помогать правительству в его трудах, помогать без задних мыслей и оговорок. На зов родины империя, самая прекрасная жемчужина французской короны, ответит: Есть!» [Pétain 1974, p. 459]. Проводить в жизнь эту политику должны были министр колоний А. Лемери (12 июля — 6 сентября 1940), министр иностранных дел П. Бодуэн (16 июня — 28 октября 1940), генерал-губернаторы на местах, абсолютное большинство которых осталось верно правительству.

Первым министром колоний, столкнувшимся с японскими притязаниями на Индокитай, оказался А. Ривьер — случайный человек на этом посту (16 июня — 11 июля 1940). Депутат-социалист и министр пенсий в кабинете Рейно, он перешел в правительство Петэна с санкции партийного вождя Л. Блюма. Следуя практике коалиционных кабинетов, Петэн предложил социалистам два места, предоставив им выбор кандидатов. Блюм направил к нему Ривьера и А. Феврие как представителей партии, а не как специалистов в какой-либо области. Понимая это, премьер предложил Ривьеру пост, на который не претендовал никто из «тяжеловесов» и который в тот момент не считался важным.

Японцы еще не приняли окончательное решение о повороте экспансии на юг, когда Петэн запросил немцев о перемирии и новости об этом достигли Токио. Момент казался идеальным для предъявления ультиматума относительно Индокитая, но лишь «горячие головы» в армии и среди штатских националистов призывали ввести туда войска. Действуя на основании решения глав МИД, военного и морского ведомств, вице-министр иностранных дел М. Тани (который в 1938 г. обвинил Францию в поставках оружия Китаю и не получил агреман для назначения послом в Париж [Michelin 2019, p. 26]) 19 июня потребовал от Арсена-Анри прекратить транзит всех военных грузов в Китай из Тонкина и принять японскую миссию для проверки

исполнения этого. Не имея прямой связи с министром, который находился в Бордо и был занят подготовкой перемирия, Арсен-Анри вступил в переговоры с целью выиграть время. Генерал-губернатор Индокитая Катру получил сведения о возможном вторжении японцев и, не дожидаясь решения правительства, своей властью запретил провоз горючего через границу. Одновременно он по собственной инициативе обратился за помощью к англичанам и американцам, но не получил ее [Desoux 1949, p. 44–49, 65–67]. Желая скрыть от японцев самоуправство Катру, посол уверил их, что тот действовал по его совету [Michelin 2019, p. 37–40]. 22 июня, в день подписания перемирия, Тани и Арсен-Анри уладили вопрос о японской миссии, которая 29 июня прибыла в Ханой. 25 июня Катру полностью запретил транзит грузов в Китай. Дэку призвал продолжать войну за пределами метрополии в союзе с англичанами, но морской министр Ф. Дарлан известил его, что это невозможно, и тот с неохотой согласился. Катру сообщил Дэку и Арсену-Анри, что не признает перемирие, но не заявит об этом открыто, дабы не дать японцам повод к вторжению в Индокитай [Desoux 1949, p. 33–39]. Посол в Токио остался верен правительству, которое представлял.

Совет министров *впервые* узнал о новой ситуации в Индокитае 25 июня, поэтому утверждения о том, что японский ультиматум от 19 июня был принят «правительством Виши» [Гольдберг 1959, с. 39; Сапожников 1977, с. 134], неверны. Согласно записи Бодуэна, министр колоний доложил об ультиматуме и действиях Катру. «Ривьер очень огорчен поступком генерала Катру, который без согласия французского правительства частично отдал японцам нашу власть над Тонкином. Министр известил нас об обмене телеграммами между ним и генералом Катру, из которых видно, что последний требовал себе право действовать независимо. Ривьер предложил немедленно заменить генерала Катру, но встал вопрос о том, кто займет его пост. Адмирал Дарлан предложил адмирала Дэку <...> который по счастью находится на месте и повиновение которого он гарантирует. Совет согласился с предложением, полагая, что смена губернатора хоть на время умерит японские притязания» [Baudoin 1948, p. 146]. Аналогичное свидетельство оставил министр обороны Вейган [Weygand 1950, p. 336]. 27 июня Дэку получил телеграмму Дарлана с извещением о назначении, три дня спустя — официальный указ за подписью Ривьера. Он велел Катру немедленно передать

дела и вернуться во Францию, но генерал проигнорировал приказ министра [Desoux 1949, pp. 55–56, 67–68].

Правительство вернулось к ситуации в Индокитае 4 июля, на следующий день после нападения британского флота на французский в Мерс-эль-Кебуре, что вызвало шок во Франции: Дарлан призвал объявить войну бывшему союзнику. «Министр колоний сообщил нам, что 29 июня в Тонкине начала работу японская миссия с согласия генерала Катру, который отказался передать должность адмиралу Дэку, назначенному больше недели назад. Я заявил Совету, что очень встревожен позицией Японии и попросил посла Савада² прояснить меня насчет требований его правительства. Японское правительство должно вести дела не с генерал-губернатором Индокитая, но с правительством Франции. Савада должен передать сказанное в Токио» [Baudoin 1948, p. 158; Weygand 1950, p. 336–337].

Бодуэн, которому в момент назначения главой МИД было 45 лет, с 1938 г. служил генеральным директором Индокитайского банка и президентом Дальневосточного финансового союза, так что хорошо знал ситуацию в регионе, где неоднократно бывал, и понимал интересы Франции (а также собственные — в качестве акционера и члена правления нескольких действовавших там компаний). Как представитель делового мира он свысока относился к политикам, но в марте 1940 г. принял предложение Рейно занять посты государственного вице-секретаря при премьере и секретаря Военного кабинета, на которых показал себя хорошим организатором. В июне Бодуэн выступил за скорейшее перемирие с Германией, и Петэн поставил его во главе МИД, чтобы не допустить на этот пост Лавалля, делавшего ставку на сотрудничество с немцами. Исполнительный и компетентный банкир соответствовал авторитарному стилю правления маршала, поддержка которого стала залогом его пребывания в правительстве.

По словам Дэку, «генерал Катру одновременно играл на всех столах: Виши, диссидентство («Свободная Франция» — В. М.), союз с англичанами, Япония — готовый отдался или скорее продаться тому, кто даст больше» [Lémery 1964, p. 327]. Это сказано после войны, когда Катру был голлистским нотаблем, чей патриотизм не полагалось ставить под сомнение, а Дэку, которого чуть не убили

² Роль Савада Рэндзо (1888–1970) в истории японской дипломатии заслуживает отдельного исследования.

коммунисты, оказался под судом как «вишист», но был оправдан. Не имея на то полномочий, Катру 30 июня начал переговоры с главой японской миссии генерал-майором И. Нисихара, который был подчеркнуто корректен и миролюбив. 4 июля генерал предложил японцам оборонительный союз против Чан Кайши с возможностью транзита их войск через Индокитай (о чем позже предпочитал не вспоминать) в обмен на гарантии территориальной целостности колонии. 7 июля Катру закрыл границу с Китаем для перевозок в обе стороны сроком на один месяц, причем у Лаоса были разобраны пути. Размещение японских войск в Индокитае генерал назвал недопустимым, но 9 июля согласился снабжать их продовольствием и принимать на лечение раненых, о чем известил Арсена-Анри, а тот сообщил это в Виши [Desoux 1949, p. 68–70; Morley 1980, p. 162–164; Michelin 2019, p. 37–46].

14 июля Бодуэн доложил новости Петэну, который «задал много вопросов о нашей политике в Индокитае и о нашем отношении к Китаю и Японии». «Маршал полностью согласился, когда я сказал ему, что Франция не должна заключать никакого союза с Японией, даже оборонительного, поскольку это быстро втянет нас в войну в Китае. Я не скрыл от маршала, — записал глава МИД, — исключительную слабость нашей позиции в Индокитае, где численность наших войск была сильно сокращена и где мы не можем полагаться на вмешательство США в нашу пользу. <...> Наша слабость объясняет поведение генерала Катру, который, возможно, прав в том, что не ответил на японские требования резким отказом, но неправ в том, каким образом это сделал, ведя себя как полномочный представитель французского правительства» [Baudoin 1948, p. 169]. Похожим образом оценил действия Катру и Вейган [Weygand 1950, p. 337]. Дэку описал недостаточную обороноспособность Индокитая, возложив ответственность на «политику, точнее, ее отсутствие» предвоенных правительств, и ее зависимость от помощи Великобритании и США [Desoux 1949, p. 73–90]. Так что дело было отнюдь не в стремлении правящих кругов Франции «умиротворять агрессора».

Петэн беседовал с Бодуэном в процессе формирования кабинета для долгосрочной реализации задуманных реформ. Министром колоний он выбрал 65-летнего сенатора Лемери, «единственного парламентария, которому маршал доверял» [Aron 1954, p. 31], сказав ему: «Настал час управлять» [Ragache 2014, p. 43]. Уроженец Мартиники

с примесью «цветной» крови Лемери представлял остров в Палате депутатов в 1914–1919 гг. и в Сенате с 1924 г., выступал как эксперт по колониальным вопросам, пропагандировал политику ассимиляции [Lémery 1964, p. 260–262]. Назначение на министерский пост «цветного», ветерана Вердена, патриота и германофоба вызвало негодование немцев. Петэн полагался на Лемери не только как на давнего знакомого и опытного политика, но как на человека с четкой позицией: «Сейчас опасность исходит от лондонского радио и призывов генерала де Голля к мятежу. <...> Я без послаблений отзыва и заменяю всех, кто будет колебаться в исполнении моих приказов» [Lémery 1964, p. 251]. В первой же телеграмме министр предписал Дэку «мирное решение имеющихся или могущих возникнуть проблем» [Desoux 1949, p. 57].

«Выбрать мир с Японией»: политика уступок в лицах

Политику Франции в отношении японских требований к Индокитаю вне зависимости от ее оценки называют политикой уступок. Предметом споров стало то, кто именно на какие уступки шел и почему.

Дни пребывания Катру у власти были сочтены. Зная, что он официально отрешен от должности, японцы решили сыграть на опережение. 12 июля Нисихара вручил ему проект соглашения о совместных военных операциях против Чан Кайши с гарантиями независимости Индокитая. Генерал заявил, что это лежит вне пределов его полномочий, но переговоры не прервал и с должности не ушел. 15 июля посол Савада сказал Бодуэну, что лишь «очень в общем» знает о происходящем и «не придает большого значения переговорам, поскольку местом для обсуждения франко-японских проблем является Виши, а не Ханой». Разговор о двусторонних отношениях министр-банкир начал с экономики: «вопрос о включении Индокитая в замкнутую экономическую систему Японии не стоит», но та может получить режим наибольшего благоприятствования. Перейдя к политике, он сказал, что «о союзе нет и речи, но можно дойти до подписания соглашения, которое четко определит франко-японские отношения в Индокитае» [Baudoin 1948, p. 170–171]. Двумя днями позже он обсуждал с Петэном и Лемери неповиновение Катру и записал: «Я совершенно убежден, что японцы никогда не откажутся ни от одного из преимуществ,

которые им дал Катру; когда они выжмут из Ханоя всё, что смогут, то обратятся к Виши» [Baudoin 1948, p. 173]. Министр был прав: если МИД Японии предпочитал решать вопрос по традиционным дипломатическим каналам, то военные рассчитывали «выжать всё, что смогут» именно на месте [Michelin 2019, p. 47–48].

Лемери снова приказал Катру сдать дела и вернуться, но генерал в ответ поинтересовался, какую должность ему дадут, чем возмутил и шефа, и военного министра Вейгана [Lémery 1964, p. 252–253; Weygand 1950, p. 337]. 19 июля Дэку, наконец, добрался до Ханоя. В письме к Лемери от 11 ноября 1951 г., уже после выхода мемуаров, адмирал назвал причинами задержки «проблемы со связью», «желание получить четкие и приемлемые [для себя] инструкции» (он переходил из подчинения морскому министру в подчинение министру колоний) и «злую волю» Катру [Lémery 1964, p. 327]. Во время встречи тет-а-тет в резиденции генерал-губернатора 19 июля Катру оправдывал сделанные им уступки желанием получить гарантии неприкосновенности Индокитая от японского правительства, заметив, что теперь этим предстоит заниматься его преемнику [Desoux 1949, p. 71–72]. Дэку, по его словам, принял «Индокитай, практически отрезанный от побежденной Франции, предоставленный самому себе на другом конце света и схваченный за горло японцами» [Desoux 1949, p. 73]. 23 июля Лемери доложил кабинету, что официальная передача полномочий состоялась [Baudoin 1948, p. 178]. Катру покинул Ханой, но «вместо того, чтобы вернуться во Францию, отчитаться о своих действиях и проинформировать правительство, приземлился в Сингапуре и перешел к диссидентам» [Lémery 1964, p. 253].

В условиях фактического бессилия Франции важную роль в судьбе Индокитая сыграла смена кабинета в Токио. Под давлением экспансионистских кругов, которые после побед Вермахта в Европе призывали «не опоздать на автобус», намекая на колонии побежденных стран, «умеренный» премьер Ёнаи 21 июля подал в отставку. Новый кабинет сформировал Ф. Коноэ, в бытность которого премьером в 1937 г. началась японо-китайская война и который стал центром притяжения сторонников «активной» политики. МИД вместо Х. Арита, искусно затягивавшего переговоры с Берлином и Римом и затем прервавшего их, возглавил Ё. Мацуока, бывший специальным представителем в Лиге Наций, когда в 1933 г. Япония покинула эту организацию, а ныне призывавший к союзу с Германией и Италией.

Он сразу известил Арсена-Анри, что намерен вести с ним переговоры о военном союзе. Французам предстояло выдержать новый, куда более мощный натиск.

Нисихара был отозван из Ханоя, не успев завершить работу. Его преемник полковник (позднее генерал) К. Сато потребовал принять японские требования, но натолкнулся на сопротивление Дэку, который отказался вести переговоры с ним и заявил, что вопрос о военно-политическом союзе лежит вне его компетенции. В первом докладе министру Дэку назвал «прискорбными» уступки, сделанные Катру, предложил частично открыть границу с Китаем и ограничить японский контроль. 27 июля кабинет одобрил его предложения, но Бодуэн посоветовал «действовать осмотрительно, потому что японцы не откажутся ни от одного преимущества, полученного от Катру» [Baudoin 1948, p. 184]. Авторы, желающие оправдать Катру — первого генерала, перешедшего на сторону де Голля, — указывают, в каких трудных условиях ему приходилось действовать и с каким уважением отзывались о нем японские военные. Однако политику уступок, как бы их ни объяснять, начал именно Катру, причем по собственной инициативе, а «вишист» Дэку занял, по крайней мере сначала, куда более твердую позицию, что произвело впечатление на японцев [Michelin 2019, p. 48–56; Descoux 1949, p. 92–94].

Гром грянул 1 августа, когда в Токио Мацуока вручил Арсену-Анри меморандум, точнее — ультиматум: потребовал впустить японские войска в Тонкин и позволить им использовать аэродромы Индокитая. Угрожающе прозвучало пожелание, чтобы Индокитай участвовал в урегулировании «Китайского инцидента», т.е. в войне против Чан Кайши, и в создании Сферы процветания Великой Восточной Азии, о которой широкообещательно объявил премьер Коноэ. «Японское правительство дало понять, что если требования не будут немедленно удовлетворены, армии прикажут сделать это силой. Посол считает, что ситуация очень серьезна и что японцы полны решимости исполнить задуманное», — записал днем позже получивший его телеграмму Бодуэн и добавил: «Увы, все мои опасения оправдались. Таковы последствия нашего поражения и уступок, сделанных генералом Катру. Если мы согласимся на ультиматум, Индокитай будет полностью потерян» [Baudoin 1948, p. 187]. 2 августа Сато вручил аналогичный ультиматум Дэку. Известив об этом министра колоний, адмирал решил строго следовать указаниям правительства и заявил

японцам, что те не дождутся от него никаких уступок, пока он не получит соответствующий приказ из Виши [Decoux 1949, p. 91–96].

История японо-французских переговоров в Токио и Ханое, к которым сразу подключились военные, хорошо описана по материалам японских архивов [Morley 1980, p. 172–193; Michelin 2019, p. 67–95], так что нет нужды ее пересказывать. Умерший в 1943 г. на своем посту Арсен-Анри не оставил мемуаров; вел ли он дневник, неизвестно. Рассмотрим принятие решений в Виши по дневнику Бодуэна и попробуем ответить на вопрос, справедливы ли обвинения в «недопустимых уступках», которые против него выдвинул Лемери в мемуарах.

3 августа кабинет отверг японский ультиматум, дав указания Дэку оказать сопротивление в случае вторжения. Петэн, Вейган и Лемери заняли решительную позицию, видя в японцах не только агрессоров, но и союзников ненавистных «бошей», как они называли немцев. «Моя точка зрения была предельно проста, — вспоминал Лемери, — Позволить Бодуэну действовать так, чтобы избежать разрыва, но не поддаваться никаким угрозам и шантажу и отвечать силой на силу, если японские войска осмелятся что-то предпринять на нашей территории» [Lémery 1964, p. 254]. Дэку поддержал своего министра [Decoux 1949, p. 97–99]. Бодуэн предложил компромисс: Франция отвергает ультиматум как неприемлемый по форме, но готова к продолжению переговоров и к уступкам в обмен на официальные гарантии ее суверенитета в Индокитае, — и убедил коллег [Weygand 1950, p. 337]. В тот же день он откровенно объяснил это японскому послу, заметив, что сохранение видимости дружественных отношений пойдет на пользу обеим странам — намек на рост немецкого влияния в Токио, противником которого был Савада [Baudoin 1948, p. 187–189].

«Сохранение лица» или «хорошая мина при плохой игре»? Бодуэн был озабочен национальным престижем меньше, чем солдаты Великой войны — Петэн, Вейган и Лемери — и стремился сохранить экономические и политические позиции Франции в условиях ее слабости перед японским нажимом. Легко говорить, что он «продался» японцам, но предложенный компромисс возымел действие. 7 августа Арсен-Анри сообщил в Виши разъяснения Мацуока, что об «ультиматуме» речь не шла: японский министр тоже «спасал лицо», но пришло время приступать к переговорам по конкретным вопросам. Посол ответил ему, что готов выслушать японские предложения. Бодуэн пос-

пешил с новостями к Петэну, который «был доволен и одобрил проект ответа в Токио». Новости из Вашингтона, куда министр сообщил о японских требованиях и попросил передать информацию англичанам, были неутешительными. «Правительство Соединенных Штатов остается твердым сторонником сохранения статус-кво на Дальнем Востоке, особенно в Индокитае, но не примет никаких конкретных мер в его поддержку. От англичан никакого ответа. В этих условиях я, — записал Бодуэн, — не могу питать никаких иллюзий относительно американской помощи нам против японских притязаний» [Baudoin 1948, p. 193–194; Weygand 1950, p. 338]. 10 августа китайский посол Веллингтон Ку (Гу Вэйцзюань) вручил ему меморандум «с угрозой действий в том случае, если французское правительство позволит японским войскам пересечь территорию Индокитая» [Baudoin 1948, p. 196].

«Момент истины» наступил 12 августа. Получив сообщение Арсена-Анри о том, что японцы настаивают на праве провести войска через Тонкин, сроков не выставляют, но просят ответить поскорее, Бодуэн суммировал: «Дать положительный ответ нельзя, ибо это будет означать признание нашей полной слабости и вызовет волнения в Индокитае, а возможно, и в других колониях. <...> Мы должны не отвечать прямым отказом, но пытаться найти основу для соглашения». На заседании кабинета «Вейган сказал, что лучше сопротивляться и сражаться, чем принять японский диктат. (Глава МВД — В. М.) Марке поддержал его, напомнив о силе китайских армий, которые придут нам на помощь. Я (Бодуэн — В. М.) ответил, что не тешу себя иллюзиями насчет способности Китая оказать нам эффективную и быструю помощь. <...> Мы можем спасти Индокитай только в согласии с Японией. К несчастью, ситуация очень проста. Если мы ответим отказом, Япония нападает на Индокитай, который не способен защититься. Он будет потерян на сто процентов. Если мы вступим в переговоры с Японией, то избежим худшего, а именно полной потери колонии, и сохраним шанс, который будущее может нам дать» [Baudoin 1948, p. 198–199].

Выработка решения, которое предстояло сообщить в Токио, потребовала нового совещания с участием военного руководства. Оно состоялось в тот же день в министерстве колоний и прошло «в грозовой атмосфере». «Министр колоний выступил в поддержку сопротивления японской агрессии, добавив, что малейшая уступка будет

иметь катастрофические последствия для Индокитая и других колоний» [Baudoin 1948, p. 199]. «Я говорил со страстью, — вспоминал Лемери, — Утверждал, что лучше быть разбитым, чем не биться, что, защищаясь, мы покажем всей империи, что Франция не сдается». Своего оппонента Бодуэна он считал не политиком, а «банкиром», который «в силу профессии не беспокоился о последствиях уступок Франции перед лицом японских угроз для Индокитая и всех наших заморских владений» [Lémery 1964, p. 255–258]. Начальник штаба колониальных войск Ж.-А. Бюрер уверял, что Индокитай надежно защищен, но это вызвало веские конкретные возражения Бодуэна. Вейган, слово которого было решающим для военных, «выступил за отказ от японских предложений», но в итоге уступил аргументам главы МИД [Weygand 1950, p. 337–338]. Тот снова говорил о «сто-процентной потере колонии в случае любой попытки вооруженного сопротивления», о доминировании Японии на Дальнем Востоке, об отсутствии надежд на помощь со стороны. Были произнесены слова, которые тогда часто звучали в Виши: «Спасти то, что еще можно спасти» [Baudoin 1948, p. 199–201].

Линия Бодуэна возобладала. Отвергая «требования», Франция разрешала проход японских войск через Тонкин, соглашалась снабжать их и предложила начать переговоры о выработке соответствующей конвенции. На следующий день, прочитав написанный главой МИД проект телеграммы в Токио, Лемери неожиданно согласился. Это было еще не окончательное решение, но важный шаг к нему [Baudoin 1948, p. 201]. Арсен-Анри ответил, что новая встреча с Мацуока прошла «в оживленной и весьма неприятной атмосфере» и что японцы вступят в Индокитай «с нашего согласия или без него». Передав эти новости кабинету и повторив прежние аргументы, Бодуэн 16 августа прямо попросил коллег «выбрать мир с Японией», хотя добавил, что «не закрывает глаза ни на какие возможные последствия», включая волнения в Индокитае или китайское вторжение. Петэн и большинство министров, включая Вейгана, поддержали его; Лемери уступил воле большинства [Baudoin 1948, p. 203–204]. В японо-французских отношениях начался новый этап, которому посвящена вторая часть нашей работы.

Библиографический список

Бурлаков А. Н. (2022). *Петэн. Последний великий француз*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Вершинин А. А., Наумова Н. Н. (2022). *От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Гольдберг Д. И. (1959). *Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.)*. Москва: Издательство восточной литературы.

Левинсон Г. (1952). *Захват Японией Индо-Китая. Сборник статей по истории стран Дальнего Востока*. Москва: Издательство Московского университета.

Мещеряков А. Н. (2006). *Император Мэйдзи и его Япония*. Москва: Наталис.

Молодяков В. Э. (2021a). Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: японская экспансия в Китае и политический мир Франции. *Ежегодник Японии*. Т. 50. С. 163–183.

Молодяков В. Э. (2021b). Франция и Японо-китайская война: миссия Анри Мо в Китае, 1937–1939 гг. *Уральское востоковедение*. Вып 11. С. 81–89.

Сапожников Б. Г. (1977). *Китай в огне войны (1931–1950)*. Москва: Наука.

References

Aron, R. (1954). *Histoire de Vichy. 1940–1944*. Paris: Arthème Fayard. (In French).

Baudouin, P. (1948). *The Private Diaries (March 1940 to January 1941)*. London: Eyre & Spottiswoode.

Bonnet, G. (1948). *Fin d'une Europe. De Munich à la guerre*. Genève: Les éditions du cheval ailé. (In French).

Burlakov, A. N. (2022). *Peten. Poslednyi velikyi frantsuz* [Pétain. The Last Great Frenchman]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

Decoux, [J.] Amiral (1949). *À la barre de l'Indochine. Histoire de mon Gouvernement Général (1940–1945)*. Paris: Plon. (In French).

Devèze, M. (1948). *La France d'Outre-Mer. De l'Empire colonial à l'Union Française 1938–1947*. Paris: Hachette. (In French).

Flandin, P.-E. (1947). *Politique française. 1919–1940*. Paris: Les Editions Nouvelles. (In French).

Gol'dberg, D. I. (1959). *Vneshnyaya politika Yaponii (sentyabr' 1939 g. — dekabr' 1941 g.)* [Japan's Foreign Policy (September 1939 — December 1941)]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).

Hata, I. (1963). *Futsu-In shinchū to gun no nanshin seisaku, 1940–1941*. [The thrust into Indochina and the military's policy of southern advance, 1940–1941]. In: Nihon kokusai seiji gakkai (Ed.). *Taiheiyō sensō e no michi* [The Road to the Pacific War]. Tokyo: Asahi shinbunsha. Vol. 6 (pp. 143–274) (In Japanese).

Huddleston, S. (1955) France. *The Tragic Years, 1939–1947*. New York: Devin-Adair.

Lémery, H. (1964). *D'une République à l'autre. Souvenirs de la mêlée politique, 1894–1944*. Paris: La table ronde. (In French).

Levinson, G. (1952). *Zahvat Yaponiei Indo-Kitaya* [Japanese Capture of Indochina]. *Sbornik statei po istorii stran Dal'nego Vostoka*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Lévy, R. (1935). *Extrême-Orient et Pacifique*. Paris: Armand Coline. (In French).

Lévy, R. (1939). *La politique française en Extrême-Orient, 1936–1938*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Maux-Robert, A. (1999). *Le dragon de l'Est. Henri Maux en mission dans la Chine en guerre, 1937–1939*. Marly-le-Roi: Éditions Champflour. (In French).

Mescheryakov, A. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Michelin, F. (2019). *La guerre du Pacifique a commencé à l'Indochine, 1940–1941*. Paris: Passés Composés. (In French).

Molodiakov, V. E. (2021a). *Kontinental'naya politika Yaponii — vzglyad iz Frantsii: yaponskaya ekspansiya v Kitae i politicheskyi mir Frantsii* [Japanese Continental Policy as Seen from France: Japanese Expansion in China and French Political World]. *Yearbook Japan*, 50, 163–183. (In Russian).

Molodiakov, V. E. (2021b). *Frantsiya i Yapono-kitaiskaya voyna: missiya Anri Mo v Kitae, 1937–1939 gg.* [France and the Sino-Japanese War: Henri Maux's Mission in China, 1937–1939]. *Ural'skoe vostokovedeniye*, 11, 81–89. (In Russian).

Morley, J. M. (Ed.) (1980). *The Fateful Choice: Japan's Advance into Southeast Asia, 1939–1941*. New York: Columbia University Press.

Murakami, S. (1984). *Futsu-In shinchū, 1940–1945* [(Japan's) Thrust into Indochina, 1940–1945]. [Tokyo: Privately Printed]. (In Japanese).

Nagaoka, S. (1963). Nanpō shisaku no gaikōteki tenkai (1937–1941 nen). [Diplomatic development of Southern policy (1937–1941)]. In: Nihon kokusai seiji gakkai (Ed.). *Taiheiyō sensō e no michi* [The Road to the Pacific War]. Tokyo: Asahi shinbunsha. Vol. 6 (pp. 3–140). (In Japanese).

Nagaoka, S. (1973). Nanshin mondai. [Problem of Southern Advance]. In: Kajima heiwa kenkyujo (Ed.). *Nihon gaikōshi*. [History of Japanese Diplomacy]. Vol. 22. Tokyo: Kajima heiwa kenkyujo. (In Japanese).

Namba, Ch. (2012). *Français et Japonais en Indochine (1940–1945). Colonisation, propagande et rivalité culturelle*. Paris: Karthala. (In French).

Pétain, Ph. (1974). *Actes et écrits*. Paris: Flammarion. (In French).

Poujade, R. J. (2007). *L'Indochine dans la sphère de la coprosperité japonaise : De 1940 à 1945*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Ragache, G. (2014). *L'Outre-Mer français dans la guerre (1939–1945)*. Paris: Economica. (In French).

Sapozhnikov, B. G. (1977). *Kitai v ognе voiny (1931–1950)* [China at War (1931–1950)]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Tabuchi, Y. (1980). Nihon no tai-Indoshina shokuminchika puran to sono jittai. [Japanese plan of Indochina's colonization and its realization]. In *Tōnan Ajia. Rekishi to bunka*, vol. 9 (pp. 103–133). (In Japanese).

Tabuchi, Y. (1981). Daitōa Kyōeiken to Indoshina: shokuryō kakutoku no tame no senryaku. [Great East Asia sphere of co-prosperity and Indochina: strategy for getting food]. In *Tōnan Ajia. Rekishi to bunka*, vol. 10 (pp. 39–68). (In Japanese).

Tobe, R. (1978). Hokubu Futsu-In shinchū: Nanshin no ichi danmen to shite no kōsatsu. [(Japan's) thrust into northern Indochina: An aspect of the southward advance]. In *Bōei Daigakkō kiyō. Shakai kagaku hen* (November 1978), No. 37 (pp. 37–88). (In Japanese).

Valette, J. (1993). *Indochine 1940–1945. Français contre Japonais*. Paris: SEDES. (In French).

Verney, S. (2012). *L'Indochine sous Vichy: entre Révolution nationale, collaboration et identités nationales, 1940–1945*. Paris: Riveneuve. (In French).

Vershinin, A. A., Naumova, N. N. (2022). *Ot triumfa k katastrofe: voenno-politicheskoe porazhenie Frantsii 1940 g. i ego istoki* [From Triumph to Disaster: Military-Political defeat of France in 1940 and Its Origins]. Sankt-Peterburg: Aleteya. (In Russian).

Weygand, [M.] (1950). *Mémoires. T. III. Rappelé au service*. Paris: Flammarion. (In French).

Yoshizawa, M. (1986). *Sensō kakudai no kōzu: Nihongun no Futsu-In shinchū* [The scenario of the expansion of the war: The Japanese army's entry into French Indochina]. Tokyo: Aoki shoten. (In Japanese).